Смерть приходит в конце

Автор:
Агата Кристи

Смерть приходит в конце

Агата Кристи

Агата Кристи. Серебряная коллекция

Две тысячи лет до Рождества Христова, древние Фивы. В доме жреца Имхотепа появляется новая наложница по имени Нофрет. Женщина со скверным характером, она умудряется за короткое время перессорить между собой всех членов семьи, особенно сыновей Имхотепа. Родня жреца ее ненавидит. Поэтому, когда Нофрет находят мертвой, мало кто сомневается, что это отнюдь не несчастный случай. Дочь Имхотепа Ренисенб уверена: мотив для убийства был у каждого члена семьи. Но кто же все-таки это сделал? А главное, закончится ли «скандал в благородном семействе» с этой смертью?..

Агата Кристи

Смерть приходит в конце

Agatha Christie

DEATH COMES AS THE END

Copyright © 1944 Agatha Christie Limited.

All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Гольдберг Ю.Я., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Профессору С.Р. К. Гленвиллу

Дорогой Стивен!

Именно вы изначально предложили мне идею детективной истории, которая происходит в Древнем Египте, и без вашей активной помощи и поддержки эта книга никогда не была бы написана.

Я хочу сообщить об удовольствии, которое мне доставила вся та интересная литература, что вы мне одолжили, и еще раз поблагодарить вас за терпение, проявленное вами при ответах на мои вопросы, и за потраченные на меня время и силы. О наслаждении и интересе, с которыми я работала над этой книгой, вы уже знаете.

Ваш любящий и благодарный друг

Агата Кристи

Примечания автора

Действие этой книги происходит в Древнем Египте, на западном берегу Нила, в окрестностях города Фивы, за 2000 лет до нашей эры. Но время и место – не главное. Подошло бы любое другое время и любое другое место – просто так случилось, что образы главных героев и интригу мне подсказали два или три египетских письма эпохи XI династии, найденные около 20 лет назад египетской экспедицией нью-йоркского художественного музея «Метрополитен» в каменной гробнице напротив Луксора, переведенные профессором Баттискомбом Ганном и опубликованные в бюллетене музея.

Возможно, читателю будет интересно узнать, что пожертвование для молитв о душе «ка»[1 - В древнеегипетской религии важное место занимали мифы о загробной жизни. Согласно верованиям египтян, человек состоит из нескольких сущностей, в частности тела, души и невидимого двойника «ка», который рождается и живет вместе с человеком. Чтобы обеспечить вечную жизнь после смерти, следовало сохранить все сущности человека. Тело сохранялось с помощью мумифицирования; пристанищем для «ка» должны были служить усыпальницы (от огромных пирамид у фараонов и знати до скромных гробниц у земледельцев и слуг), в которые помещалось все, что было нужно человеку при жизни. Судьба души человека решалась на суде богов: ее либо пожирало за грехи чудовище, либо она отправлялась в страну блаженства.] – ежедневный ритуал в древнеегипетской цивилизации – было очень похожим на средневековую традицию пожертвования на часовню. Собственность передавалась жрецу Ка, который за это был обязан содержать в порядке гробницу жертвователя и в праздничные дни года приносить дары, чтобы душа усопшего покоилась в мире.

В египетских текстах слова «брат» и «сестра» регулярно использовались в значении «возлюбленный» и часто были синонимами слов «муж» и «жена». В этих значениях они иногда встречаются в книге.

Основу жизни крестьян составлял сельскохозяйственный календарь Древнего Египта: три сезона по четыре месяца, в каждом из которых было по тридцать дней, плюс дополнительные пять дней в конце года, так чтобы получался официальный календарный год из 365 дней. Этот год в Египте изначально начинался с подъема воды в Ниле, в третьей неделе июля по нашему календарю, однако отсутствие високосных лет привело к тому, что за много веков накопилось рассогласование, и в ту эпоху, когда происходит действие романа, официальный новый год начинался на шесть месяцев раньше, чем сельскохозяйственный, то есть в январе вместо июля. Чтобы избавить читателя

от необходимости постоянно учитывать эти шесть месяцев, даты, используемые в названиях глав, привязаны к сельскохозяйственному календарю. Разлив соответствует периоду с конца июля по конец ноября, зима – с конца ноября до конца марта, а лето – с конца марта до конца июля.

A. K., 1944

Часть I

Разлив

Глава 1

Второй месяц разлива, 20-й день

Ренисенб стояла и смотрела на Нил.

Издалека до нее доносились возбужденные голоса братьев, Яхмоса и Себека, споривших о том, нужно ли укреплять дамбу в тех или иных местах. Голос Себека, как всегда, был громким и уверенным. У него вошло в привычку излагать свое мнение непререкаемым тоном. В голосе Яхмоса, низком и хрипловатом, проступали сомнение и тревога. Яхмос вечно находил себе причину для беспокойства. Он был старшим сыном, и во время отлучек отца в Северные Номы[2 - Северные Номы – княжества, расположенные в дельте Нила (Нижний Египет), в отличие от Южных Номов, расположенных в верхнем течении Нила (Верхний Египет).] все заботы о хозяйстве ложились на него. Яхмос отличался медлительностью, благоразумием и склонностью искать трудности там, где их не существовало. Плотно сбитый, с неторопливыми движениями, он не обладал веселым нравом и уверенностью Себека.

С раннего детства Ренисенб помнила споры братьев, с их неизменными интонациями. И от этого ей вдруг стало спокойно… Она снова дома. Да, она вернулась домой…

Но когда Ренисенб взглянула на светлую, блестящую на солнце реку, негодование и боль снова всколыхнулись в ее душе. Хей, ее молодой муж… его больше нет. Улыбчивый, широкоплечий. Он теперь с Осирисом в царстве мертвых… а она, Ренисенб, его нежно любимая жена, осталась одна. Восемь лет они были вместе – Ренисенб ушла с ним, едва выйдя из детского возраста, а теперь вернулась в отчий дом вдовой, с Тети, ребенком Хея.

На мгновение ей почудилось, что она никуда не уезжала.

Эта мысль была ей приятна…

Она забудет эти восемь лет, заполненные бездумным счастьем, время, которое теперь разрушено утратой и горем.

Да, она должна забыть их, выбросить из головы. Должна снова стать Ренисенб, дочерью Имхотепа, жреца Ка – беззаботной и легкомысленной девочкой. Любовь мужа и брата обернулась жестокостью, обманула ее своей сладостью. Ренисенб помнила сильные бронзовые плечи, улыбающиеся губы… А теперь Хей забальзамирован, обернут бинтами и защищен амулетами в своем путешествии по Загробному миру. В этом мире больше нет Хея, который плавал по Нилу и ловил рыбу, смеялся, глядя на солнце, а она, растянувшись на дне лодки с маленькой Тети на коленях, смеялась ему в ответ.

«Я больше не буду думать об этом, – подумала Ренисенб. – Все кончено! Тут я дома. Все снова так, как прежде. И я теперь тоже буду прежней. Все будет как раньше. Тети уже забыла. Она играет с другими детьми и смеется».

Ренисенб резко повернулась и пошла к дому, мимо ослов с поклажей, которых вели к берегу реки. Она миновала амбары и хозяйственные постройки и через ворота вошла во внутренний двор. Здесь было очень приятно. В тени сикоморов пряталось искусственное озерцо, окруженное цветущим олеандром и жасмином. У воды играла Тети вместе с другими детьми – их голоса были звонкими и чистыми. Они все время бегали в маленькую беседку на берегу пруда. Ренисенб заметила, что Тети играет с деревянным львом, у которого открывалась и

закрывалась пасть, если тянуть и отпускать шнурок, – в детстве она сама очень любила эту игрушку. И снова с благодарностью подумала: «Я дома…» Ничего не изменилось, все осталось прежним. Здесь жизнь была тихой, спокойной и безопасной, только ребенок теперь – Тети, а она сама присоединилась к многочисленным матерям, которых защищали стены этого дома, но основа, суть вещей осталась неизменной.

К ее ногам подкатился мяч, с которым играл кто-то из детей, и она со смехом бросила мяч назад.

Ренисенб поднялась на галерею с ярко раскрашенными колоннами, затем вошла в дом, миновала большую центральную комнату с цветным фризом из цветов лотоса и мака и оказалась в задней части дома, на женской половине.

Услышав громкие голоса, она снова остановилась, наслаждаясь знакомыми с детства звуками. Сатипи и Кайт… как всегда, ссорятся! Эти незабываемые интонации в голосе Сатипи, резком, властном и угрожающем… Сатипи, жена ее брата Яхмоса, была высокой, энергичной, громогласной женщиной, отличавшейся своеобразной, несколько мрачноватой красотой. Она беспрестанно раздавала указания, третировала слуг, везде находила недостатки, бранью и запугиванием добивалась от них почти невозможного. Все побаивались ее острого языка и послушно, бегом бросались исполнять ее распоряжения. Яхмос благоговел перед своей решительной, энергичной женой и позволял помыкать собой, что нередко злило Ренисенб.

В промежутках между пронзительными тирадами Сатипи можно было расслышать тихий, но твердый голос Кайт. Жена красивого и веселого Себека была широкой в кости женщиной с плоским лицом. Ее интересовали только дети, и она редко говорила о чем-то другом. Ежедневные споры с невесткой Кайт выдерживала с помощью простого приема – тихо, но упрямо повторяла свое первоначальное утверждение. Она не проявляла горячности или страсти, но оставалась непреклонной. Себек был очень привязан к жене и без стеснения рассказывал ей о своих интрижках, уверенный, что она будет слушать, одобрительно или неодобрительно хмыкая, в зависимости от обстоятельств, но не запомнит ничего лишнего, поскольку ее разум постоянно занят той или иной проблемой, связанной с детьми.

– Это возмутительно, вот что я тебе скажу! – кричала Сатипи. – Будь у Яхмоса храбрости хотя бы как у мыши, он бы этого не допустил! Кто здесь главный в

отсутствие Имхотепа? Яхмос! И, как жена Яхмоса, я должна иметь право первой выбирать циновки и подушки. Этот похожий на бегемота черный раб должен…

– Нет, моя малышка, не нужно есть волосы куклы… Смотри, тут есть кое-что получше… сладости… вот так, хорошо…

– А что до тебя, Кайт, ты понятия не имеешь о вежливости и даже не слушаешь, что я говорю… не отвечаешь… у тебя ужасные манеры.

– Синяя подушка всегда была моей… Ой, посмотри на малышку Анх – она пытается ходить…

– Ты такая же глупая, как твои дети, Кайт, а может, и глупее! Но ты от меня так просто не отделаешься. Запомни, я не откажусь от своих прав!

Ренисенб вздрогнула, услышав за спиной тихие шаги. Испуганно оглянувшись, она увидела стоящую позади нее Хенет, и ее охватило хорошо знакомое чувство неприязни.

На худом лице женщины, как всегда, застыла угодливая улыбка.

– Ты, Ренисенб, наверное, думаешь, что ничего не изменилось? – сказала она. – И как только все мы терпим язык Сатипи! Конечно, Кайт может ей ответить. Но некоторым из нас повезло меньше! Надеюсь, я знаю свое место – и я благодарна твоему отцу за кров, пищу и одежду. Да, он хороший человек, твой отец. И я всегда старалась изо всех сил. Я никогда не сижу без дела – помогаю то тут, то там – и не жду благодарности или признательности. Будь жива твоя милая мать, все было бы иначе. Она ценила меня. Мы с нею были как сестры! Такая чудесная женщина… И я исполнила свой долг, сдержала данное ей обещание. «Позаботься о моих детях, Хенет», – сказала она перед смертью. И я была верна своему слову. Служила всем вам и никогда не просила благодарности. Не просила – и не получала! «Это всего лишь старая Хенет, – говорили обо мне. – Она не в счет». Никто обо мне не думает. С какой стати? Я просто стараюсь быть полезной, вот и все.

Она угрем проскользнула под рукой Ренисенб и вошла в комнату.

– Прошу прощения, Сатипи, но насчет тех подушек я слышала, как Себек сказал…

Ренисенб ушла. Давняя неприязнь к Хенет вспыхнула с новой силой. Странно – никто не любил Хенет! Всему виной ее нытье, постоянные жалобы на судьбу и злобное удовольствие, с которым она иногда разжигала пламя раздоров в семье.

«С другой стороны, – подумала Ренисенб, – почему бы и нет?» Наверное, так Хенет развлекалась. Жизнь у нее безрадостная – и она на самом деле работает как проклятая, а никто ни разу ее не поблагодарил. Но испытывать признательность к Хенет просто невозможно – она так настойчиво привлекает внимание к своим достоинствам, что слова благодарности застревают в горле.

Хенет, подумала Ренисенб, относится к тем людям, которым судьбой предназначено служить другим и не знать взаимности. Хенет некрасива и к тому же глупа. Но всегда в курсе происходящего. Бесшумная походка, острый слух, внимательный взгляд, от которого ничего не может укрыться, – все это служило залогом того, что в доме от нее не было тайн. Иногда Хенет держала свое знание при себе, а в других случаях ходила от одного к другому, нашептывала, а затем с удовольствием наблюдала за результатом своих сплетен.

Время от времени кто-то из домочадцев просил Имхотепа избавиться от Хенет, но хозяин даже слушать об этом не желал. Возможно, он был единственным человеком, который относился к ней по-доброму, и она отвечала на его покровительство безоглядной преданностью, вызывавшей отвращение у остальной семьи.

Ренисенб постояла в нерешительности, прислушиваясь к разгоравшейся ссоре невесток – вмешательство Хенет только подлило масла в огонь, – а затем медленно двинулась в сторону маленькой каморки, где сидела ее бабушка Иса в компании двух маленьких чернокожих рабынь. Она рассматривала какие-то льняные одежды, которые демонстрировали ей девочки, и в своей обычной манере благодушно ворчала.

Да, ничего не изменилось. Ренисенб, никем не замеченная, стояла и слушала. Старая Иса сморщилась еще больше – и это все. Но ее голос остался прежним… как и ее речи, почти слово в слово, насколько Ренисенб запомнила их, прежде чем восемь лет назад покинула дом…

Ренисенб снова выскользнула в коридор. Ни старуха, ни две маленькие чернокожие девочки ее не заметили. На мгновение она остановилась у открытой двери в кухню. Здесь все смешалось: запах жарящихся уток, разговоры, смех, брань. Гора ждущих своей очереди овощей.

Ренисенб стояла неподвижно, смежив веки. Со своего места она могла слышать все, что происходит в доме. Громкие, разнообразные звуки из кухни, высокий и пронзительный голос старой Исы, резкий тон Сатипи и очень тихое, но твердое глубокое контральто Кайт. Галдеж женских голосов – болтовня, смех, жалобы, брань, восклицания…

И вдруг Ренисенб почувствовала, что задыхается в окружении этих вездесущих и крикливых женщин, шумных, горластых! Целый дом женщин… ни минуты тишины и покоя… вечная болтовня, охи и ахи, разговоры – но только не дело!

И Хей, молчаливый и внимательный Хей в своей лодке, сосредоточенный на рыбе, которую он собирается загарпунить…

Никакой пустой болтовни, никакой бессмысленной суеты.

Ренисенб поспешно вышла из дома, и ее снова окутал горячий, неподвижный воздух. Она увидела Себека, возвращавшегося с полей, а еще дальше Яхмоса, который поднимался к гробнице. Потом повернулась и пошла по тропинке к известняковым скалам, в которых была вырезана гробница. Это была усыпальница знатного вельможи Мериптаха, и отец состоял при ней жрецом Ка, в обязанности которого входило ее содержание в должном порядке. Поместье и земли были частью наследства гробницы. Когда отец уезжал по делам, обязанности жреца Ка переходили к ее брату Яхмосу.

Когда Ренисенб добралась до гробницы, Яхмос беседовал с Хори, управляющим отца; мужчины сидели в маленьком гроте, вырезанном в скале рядом с камерой для жертвоприношений гробницы.

Хори развернул на коленях лист папируса, и они с Яхмосом склонились над ним.

Яхмос и Хори улыбнулись Ренисенб, которая вошла в грот и села в тени рядом с ними. Она очень любила своего брата Яхмоса. Он был добрым и отзывчивым, отличался мягким характером. Хори тоже всегда баловал маленькую Ренисенб,

чинил ее игрушки. Когда она уезжала, это был серьезный и немногословный молодой человек с чуткими, умелыми руками. Он почти не изменился, подумала Ренисенб, разве что выглядит старше. Серьезная улыбка, которой одарил ее Хори, была точно такой же, как она помнила.

Яхмос и Хори говорили одновременно:

– Семьдесят три меры[3 - Мера – старинная единица измерения сыпучих тел, равная 26,238 л.] ячменя с младшим Ипи…

– Тогда всего будет двести тридцать мер пшеницы и сто двадцать мер ячменя.

– Да, но еще нужно учесть цену леса и уплаченное маслом за урожай в Пераа…

Они продолжили обсуждать дела. Ренисенб дремала, успокоенная звуком мужских голосов. Потом Яхмос встал и удалился, передав свиток папируса Хори.

Ренисенб, выдержав паузу, дотронулась до папируса и спросила:

– Это от отца?

Хори кивнул.

– И что он пишет?

Ее разбирало любопытство. Она развернула свиток и стала вглядываться в значки, которые ничего ей не говорили.

Улыбнувшись, Хори наклонился у нее над плечом и стал читать, водя пальцем по строчкам. Письмо было написано пышным слогом профессионального писца из Гераклеополя[4 - Гераклеополь – греческое название древней столицы XX нома Египта.].

Имхотеп, хранитель гробницы и жрец Ка, говорит:

Да уподобишься ты тому, кто возрождается миллион раз. Да поможет тебе бог Херишеф, владыка Гераклеополя, и все остальные боги. Да подарит бог Птах радость твоему сердцу, да продлит твои годы. Сын обращается к своей матери, служитель Ка к своей матери Исе. Пребываешь ли ты в благополучии и здравии? Благополучны ли все мои домочадцы? Сын мой Яхмос, пребываешь ли ты в благополучии и здравии? Преумножай богатства моей земли. Не жалей сил своих для работы. Если ты проявишь усердие, я буду молиться за тебя…

Ренисенб рассмеялась:

– Бедный Яхмос! Я не сомневаюсь, что он и так старается изо всех сил.

Она живо представила себе наставления отца – его напыщенные и несколько суетливые манеры, беспрестанные проповеди и нравоучения.

Хори продолжил:

…Должным образом заботься о моем сыне Ипи. До меня дошли известия, что он недоволен. Также проследи, чтобы Сатипи хорошо обращалась с Хенет. Помни об этом. И не забывай писать о льне и о масле. Береги урожай зерна – береги все мое имущество, потому что я поручил его тебе. Если поля затопит, горе тебе и Себеку.

– Отец все такой же, – с улыбкой сказала Ренисенб. – Убежден, что в его отсутствие тут все делается неправильно.

Она позволила свитку папируса соскользнуть с колен и тихо прибавила:

– Ничего не изменилось…

Не ответив, Хори поднял папирус и принялся писать. Ренисенб какое-то время лениво наблюдала за ним. Ей было так уютно и покойно, что даже не хотелось разговаривать.

Потом она мечтательно произнесла:

– Жаль, что я не знаю грамоты. Почему не всех учат письму?

– В этом нет необходимости.

– Необходимости, наверное, нет, но было бы интересно.

– Ты и вправду так думаешь, Ренисенб? Но тебе это зачем?

Молодая женщина на секунду задумалась. Потом медленно проговорила:

– Понимаешь, Хори, когда ты задаешь мне такие вопросы, я не знаю, что ответить.

– Сейчас большому поместью требуется лишь несколько писцов, но мне кажется, настанет день, когда во всем Египте их будет целая армия.

– Это было бы хорошо, – сказала Ренисенб.

– Не уверен. – В голосе Хори звучало сомнение.

– Почему?

– Понимаешь, Ренисенб, записать десять мер ячменя, или сто голов скота, или десять полей пшеницы – это легко и не требует больших усилий. И написанное уподобится тому, что существует на самом деле, а сочинитель и писец станут презирать тех, кто распахивает поля, жнет ячмень и выращивает скот. Но поля и скот – настоящие, это не просто чернильные значки на папирусе. А если все записи и все папирусы будут уничтожены, а писцы разбегутся, люди будут все так же пахать и сеять, и Египет будет жить.

Ренисенб внимательно смотрела на него.

– Да, я понимаю, о чем ты, – медленно произнесла она. – Настоящее только то, что можно увидеть, до чего можно дотронуться или что можно съесть… Запись «у меня сто сорок мер ячменя» ничего не значит, если зерна у тебя нет. Писать можно и ложь.

Хори улыбнулся, вглядываясь в ее серьезное лицо.

– Ты починил мне льва, – вдруг сказала Ренисенб. – Давным-давно, помнишь?

– Да, Ренисенб, помню.

– Теперь с ним играет Тети. С тем же львом…

Помолчав немного, она откровенно призналась:

– Когда Хей ушел к Осирису, я очень горевала. Но теперь я вернулась домой, я снова счастлива и все забуду – потому что тут ничего не изменилось. Совсем ничего.

– Ты и вправду так думаешь?

Ренисенб пристально посмотрела на него:

– Что ты имеешь в виду, Хори?

– Я имею в виду, что перемен не может не быть. Восемь лет – это восемь лет.

– Здесь ничего не меняется, – убежденно повторила Ренисенб.

– В таком случае, возможно, должно измениться.

– Нет, нет, – решительно возразила Ренисенб. – Я хочу, чтобы все осталось таким же!

– Но ведь ты сама уже не та Ренисенб, которая уехала с Хеем.

– Та же самая! А если нет, то скоро стану.

Хори покачал головой:

– Невозможно вернуться в прошлое. Это как меры зерна, которые я считаю. Беру половину, прибавляю к нему четверть, потом десятую часть, потом двадцать

четвертую – и в конце получается совсем другое количество.

– Но я та же Ренисенб.

– Все минувшее время к той Ренисенб что-то прибавлялось, и она стала совсем другой Ренисенб!

– Нет, нет! Ведь ты остался тем же Хори!

– Ты вольна так думать, но это не так.

– Да, да! И Яхмос нисколько не изменился, все так же колеблется и тревожится, и Сатипи все так же третирует его, а Сатипи с Кайт, как обычно, ссорятся из-за циновок и бус, а когда я вернусь, они будут смеяться вместе, будто лучшие подруги. Хенет по-прежнему крадется и подслушивает, хнычет о своей преданности, а моя бабушка все так же суетится со своей маленькой служанкой вокруг какого-то полотна! Все то же самое, и скоро отец вернется домой, и будет большая суматоха, и он скажет: «Почему вы не сделали этого?», «Вы должны были сделать то-то и то-то». И у Яхмоса будет встревоженный вид, а Себек будет смеяться и не обращать внимания, а отец станет баловать Ипи, которому уже шестнадцать, как баловал, когда ему было восемь… И ничегошеньки не изменится!

Она умолкла, переводя дыхание.

Хори вздохнул.

– Ты не понимаешь, Ренисенб, – мягко возразил он. – Есть зло, которое приходит извне и нападает открыто, так, что все это видят; но существует и другая разновидность зла, порча, которая разъедает изнутри – без всяких внешних признаков. Болезнь развивается медленно, день за днем, пока не сгниет последний плод.

Ренисенб широко раскрыла глаза.

– Что ты имеешь в виду, Хори? – вскрикнула она. – Ты меня пугаешь.

– Я сам боюсь.

– Но что именно ты имеешь в виду? О каком зле ты говоришь?

Хори внимательно посмотрел на нее и вдруг улыбнулся:

– Забудь о моих словах, Ренисенб. Я говорил о болезнях, которые поражают зерно.

– Хорошо, – с облегчением вздохнула Ренисенб. – А то я уж подумала… Сама не знаю, что я подумала.

Глава 2

Третий месяц разлива, 4-й день

I

Сатипи бранила Яхмоса. Ее высокий голос звучал резко и пронзительно – как всегда.

– Ты должен постоять за себя. Послушай, что я тебе говорю! Тебя никогда не будут ценить, если ты не умеешь за себя постоять. Твой отец все время раздает указания: сделай одно, сделай другое, почему ты не сделал того или этого? А ты покорно слушаешь, киваешь и извиняешься, что не исполнил его приказов, хотя – боги свидетели – это почти невозможно! Отец обращается с тобой как с ребенком – маленьким, безответственным мальчишкой! Будто тебе столько лет, сколько Ипи…

– Отец относится ко мне совсем не так, как к Ипи, – спокойно ответил Яхмос.

– Конечно, нет. – Новая тема вызвала у Сатипи очередной приступ злобы. – Он глупо ведет себя с этим испорченным, ленивым мальчишкой. Ипи просто невозможен и с каждым днем становится все хуже. Слоняется без дела, отлынивает от работы и на любую просьбу отвечает, что она ему не по силам! Это позор. И все потому, что он знает: отец всегда простит его и встанет на его сторону. Вы с Себеком тут должны проявить твердость.

Яхмос пожал плечами:

– Зачем?

– Ты просто сводишь меня с ума, Яхмос, это так на тебя похоже! У тебя нет мужества. Покорный, как женщина! Сразу соглашаешься со всем, что говорит твой отец!

– Я очень люблю отца.

– Да, и он этим пользуется! Ты безропотно принимаешь упреки и извиняешься за то, в чем не виноват! Ты должен возражать ему, отвечать – как Себек. Твой брат Себек никого не боится!

– Да, но ты не должна забывать, Сатипи, что отец доверяет именно мне, а не Себеку. Решения в отсутствие отца принимаю я, а не он.

– Вот поэтому ты должен стать совладельцем поместья. Ты заменяешь отца, когда он уезжает, выполняешь в его отсутствие обязанности жреца Ка, и все хозяйство оставляется на тебя – и при этом у тебя нет официальной власти. Это неправильно, что с тобою все еще обращаются как с ребенком.

– Отец предпочитает не выпускать бразды правления из рук, – с сомнением произнес Яхмос.

– Именно. Ему нравится, когда все домочадцы зависят от него – и от его капризов. Это плохо, и становится все хуже. Когда он в этот раз вернется домой, ты должен набраться храбрости и сказать, что требуешь письменного договора, настаиваешь, чтобы твое положение было официальным.

– Он и слушать не станет.

– Тогда ты должен заставить его слушать. Если бы я была мужчиной! На твоем месте я бы знала, что делать! Иногда мне кажется, что я вышла замуж за червя!

Яхмос вспыхнул:

– Я попробую что-нибудь сделать… Да, я, наверное, могу поговорить с отцом… попросить его…

– Не попросить – ты должен потребовать. В конце концов, ты его главный помощник. Никого, кроме тебя, он не может оставить тут, на хозяйстве. Себек слишком необуздан, и твой отец ему не доверяет, а Ипи слишком молод.

– Есть еще Хори.

– Хори – не член семьи. Твой отец прислушивается к его мнению, но бразды правления передаст только родственнику. Но я вижу, что происходит. Ты слишком послушен и мягок – в твоих жилах течет молоко, а не кровь! Ты не думаешь ни обо мне, ни о наших детях. Пока твой отец жив, мы не получим того, что нам причитается по праву.

– Ты меня презираешь, Сатипи? – мрачно спросил Яхмос.

– Я на тебя злюсь.

– Послушай, я обещаю поговорить с отцом, когда он вернется. Даю слово.

– Да, вопрос только, как ты будешь с ним говорить? – пробормотала Сатипи. – Как мужчина или как мышь?

II

Кайт играла со своей младшей дочерью, маленькой Анх. Ребенок только начал ходить, и Кайт со смехом подбадривала девочку, встав пред нею на колени и протянув руки навстречу малышке, которая на слабых ножках неуклюже ковыляла к матери.

Эту демонстрацию успехов дочери Кайт специально устроила для Себека. Внезапно она поняла, что мысли мужа заняты чем-то другим – он сидел неподвижно, нахмурив свой красивый лоб.

– О, Себек, ты не смотришь. Не видишь. Малышка, скажи папе, что он поступает плохо, когда на тебя не смотрит.

– Мне не до вас, – раздраженно ответил Себек. – Хватает других забот.

Кайт села на корточки, откинула пряди волос, которые закрывали ее густые черные брови и за которые хватались пальчики Анх.

– В чем дело? Случилось что-нибудь?

Внимание Кайт было сосредоточено на дочери, и вопрос она задала автоматически.

– Дело в том, что мне не доверяют, – сердито сказал Себек. – Мой отец – старый человек, со старомодными взглядами, и он желает командовать всем, что тут происходит. Имхотеп не станет прислушиваться к моему мнению.

– Да, да, это очень плохо, – рассеянно ответила Кайт, качая головой.

– Будь у Яхмоса чуть больше мужества, он поддержал бы меня, и мы вместе могли бы образумить отца. Но брат слишком робок. Он выполняет все указания, которые отец передает ему в письмах.

Кайт встряхнула бусами, привлекая внимание ребенка.

– Да, это правда.

– Когда отец вернется, я скажу ему, что в сделке с лесом поступил по-своему. Взять плату льном было гораздо выгоднее, чем маслом.

– Я не сомневаюсь в твоей правоте.

– Но отец всегда хочет делать все по-своему. Он поднимет шум, станет кричать: «Я же сказал тебе взять плату маслом. Когда меня нет, все делается не так. Ты глупый мальчишка, который ни в чем не разбирается!» Сколько, он думает, мне лет? Отец не понимает, что я мужчина в расцвете лет, а его время уже ушло. Его указания и отказ от любых непривычных сделок приводят к тому, что дела у нас идут не так хорошо, как могли бы. Чтобы разбогатеть, нужно иногда идти на риск. У меня есть воображение и смелость. В отличие от отца.

– Ты такой храбрый и умный, Себек, – прошептала Кайт, не отрывая взгляда от ребенка.

– Но на этот раз он услышит правду – если посмеет снова найти недостатки и кричать на меня! Если мне не предоставят свободу действий, я уйду. Уйду.

Кайт, протянувшая руку к дочери, замерла, а затем резко повернулась к мужу:

– Уйдешь? Куда?

– Куда угодно! Я больше не буду терпеть придирки капризного и самодовольного старика, который ни во что меня не ставит и не дает показать, на что я способен.

– Нет, – решительно заявила Кайт. – Я говорю, нет, Себек.

Он удивленно посмотрел на жену, словно ее тон вдруг заставил его вспомнить о ее присутствии. Себек настолько привык к ее неизменному поддакиванию, что нередко забывал о том, что она живая, думающая женщина.

– Что ты имеешь в виду, Кайт?

– Я имею в виду, что не позволю тебе делать глупости. Все поместье принадлежит твоему отцу. Земли, пашня, скот, лес, поля льна – всё! После

смерти Имхотепа все это будет нашим – твоим, Яхмоса и наших детей. Если ты поссоришься с отцом, он может разделить твою долю между Яхмосом и Ипи – он и так слишком сильно любит младшего сына. Ипи знает это и пользуется слабостью отца. Ты не должен лить воду на мельницу Ипи. Если поссоришься с отцом и уйдешь, Ипи будет только рад. Мы должны думать о наших детях.

Себек с изумлением смотрел на жену. Потом недоверчиво усмехнулся:

– Женщины непредсказуемы… Не знал, что ты можешь быть такой, Кайт. Такой решительной…

– Не ссорься с отцом, – настаивала Кайт. – Не перечь ему. Не теряй мудрости.

– Наверное, ты права… но это может тянуться еще много лет. Отец должен признать нас совладельцами.

– Он этого не сделает. – Кайт покачала головой. – Имхотеп слишком любит повторять, что все мы едим его хлеб, что все мы зависим от него, а без него мы пропадем.

Себек бросил на нее удивленный взгляд:

– Ты не очень любишь моего отца, Кайт.

Но Кайт снова повернулась к неуверенно стоящему на ногах ребенку:

– Давай, милая… смотри, вот твоя кукла. Иди сюда… иди…

Себек посмотрел на ее склоненную голову, затем вышел из комнаты. Лицо у него было озадаченным.

III

Иса послала за своим внуком Ипи.

Красивый подросток с недовольным выражением лица переминался с ноги на ногу, пока она отчитывала его своим визгливым голосом, устремив на него взгляд темных глаз – проницательных, хотя и затянутых мутной пленкой.

– Это правда, что мне рассказывали? Ты отказываешься делать то одно, то другое? Не хочешь смотреть за быками, не помогаешь Яхмосу, не присматриваешь за пахотой? К чему это приведет, если такой ребенок, как ты, будет решать, что ему делать, а что нет?

– Я не ребенок, – огрызнулся Ипи. – Я уже вырос – почему со мной обращаются как с ребенком? Поручают работу, не спрашивая моего желания и не давая самостоятельности. Почему я всегда должен слушаться указаний Яхмоса? Кем он себя возомнил, этот Яхмос?

– Он твой старший брат, и в отсутствие моего сына Имхотепа он тут отвечает за все.

– Яхмос – тупой, медлительный и тупой. Я гораздо умнее его. А Себек тоже тупой, хотя все время рассуждает и хвастается, какой он умный! Отец написал в письме, что я должен делать только ту работу, которую сам выберу…

– Ничего подобного, – возразила старая Иса.

– И что меня нужно лучше кормить, а если он узнает, что я недоволен и со мною плохо обращались, он очень рассердится.

Губы подростка растянулись в хитрой улыбке.

– Ты капризный, испорченный ребенок, – решительно заявила Иса. – Я так и скажу Имхотепу.

– Нет, бабушка, не говори… – Улыбка Ипи стала ласковой, хотя и несколько дерзкой. – Мы с тобою, бабушка, единственные в семье имеем мозги.

– Какое бесстыдство!

– Отец полагается на твое мнение… он знает, что ты мудрая.

– Возможно… да, действительно… но ты не должен мне это говорить.

Ипи рассмеялся:

– Тебе лучше быть на моей стороне, бабушка.

– О каких сторонах ты говоришь?

– Старшие братья очень недовольны, ты об этом знаешь? Конечно, знаешь. Хенет тебе все доносит. Сатипи пилит Яхмоса днем и ночью, при любом удобном случае. А Себек свалял дурака при продаже леса и боится, что отец придет в ярость, когда узнает. Понимаешь, бабушка, через год или два я стану совладельцем отца, и он будет делать все, что я пожелаю.

– Ты, младший в семье?

– При чем тут возраст? Власть принадлежит моему отцу, а я единственный, кто знает, как с ним обращаться!

– Непозволительно вести такие речи, – сказала Иса.

– Ты же не дура, бабушка… – тихо ответил Ипи. – И прекрасно знаешь, что мой отец, несмотря на все свое бахвальство, человек слабый…

Он умолк на полуслове, заметив, что Иса слегка повернула голову и смотрит поверх его плеча. Оглянувшись, мальчик увидел Хенет, стоявшую прямо у него за спиной.

– Значит, Имхотеп слабый человек? – переспросила Хенет своим тихим, хныкающим голосом. – Сдается мне, он будет недоволен, если узнает, что ты так о нем говоришь.

Ипи натянуто рассмеялся:

– Но ты же не скажешь ему… Послушай, Хенет, пообещай мне… Милая Хенет…

Хенет проскользнула к Исе и сказала, слегка повысив голос, но с теми же хныкающими интонациями:

– Конечно, я никогда не хотела неприятностей – ты это знаешь… Я предана всем вам. И ничего не скажу, если не сочту это своим долгом…

– Я просто дразнил бабушку, только и всего, – нашелся Ипи. – Я так и скажу отцу. Он поймет, что я не мог всерьез говорить такое.

Коротко кивнув Хенет, он вышел из комнаты.

Хенет посмотрела ему вслед и повернулась к Исе:

– Чудесный мальчик – чудесный, взрослый мальчик… И какие смелые речи!

– Опасные речи, – возразила Иса. – Мне не нравятся мысли, которые бродят у него в голове. Мой сын слишком балует его.

– А почему бы и нет? Такой красивый, милый мальчик…

– Судить надо не по внешности, а по делам, – отрезала Иса.

Помолчав несколько секунд, она медленно проговорила:

– Хенет, мне тревожно.

– Тревожно, Иса? Что тебя беспокоит? В любом случае хозяин скоро вернется, и все будет хорошо.

– Будет ли? Сомневаюсь… – Она снова умолкла. – Мой внук Яхмос в доме?

– Я только что видела, как он подходил к галерее.

– Ступай, скажи ему, что мне нужно с ним поговорить.

Хенет удалилась. Она нашла Яхмоса в прохладной тени галереи с разноцветными колоннами и передала просьбу Исы. Тот поспешил на зов бабушки.

– Яхмос, Имхотеп скоро вернется, – без предисловий сказала Иса.

Доброе лицо Яхмоса осветилось радостью.

– Да, и я этому рад.

– Всё в порядке? Дела идут хорошо?

– Все указания моего отца выполнены, насколько это возможно.

– А что с Ипи?

Яхмос вздохнул:

– Отец слишком балует его. Парню это не на пользу.

– Ты должен объяснить это Имхотепу.

На лице Яхмоса отразилось сомнение.

– Я поддержу тебя, – пообещала Иса.

– Иногда мне кажется, – Яхмос снова вздохнул, – что меня окружают сплошные трудности. Но когда отец вернется, все должно наладиться. Он сам будет принимать решения. В его отсутствие очень трудно исполнять его волю, особенно если учесть, что у меня самого нет власти и я действую только по его поручению.

– Ты хороший сын – верный и любящий, – медленно проговорила Иса. – И хороший муж – если согласиться с пословицей, что мужчина должен всю жизнь любить жену, кормить и одевать ее, покупать дорогие умащения для ее красоты и радовать ее сердце. Но есть еще одно правило – оно звучит так: «Не позволяй

ей командовать собой». На твоем месте, внук, я бы прислушалась к этому правилу…

Яхмос посмотрел на нее, густо покраснел и вышел.

Глава 3

Третий месяц разлива, 14-й день

I

В доме царила суматоха – все готовились к возвращению хозяина. На кухне уже выпекли сотни хлебов и теперь жарили уток; оттуда распространялся запах лука, чеснока и разных пряностей. Женщины кричали, раздавали указания, слуги передвигались бегом.

Отовсюду доносился шепот: «Хозяин… хозяин приезжает…»

Ренисенб, помогавшая плести гирлянды из цветков мака и лотоса, чувствовала, как ее сердце наполняется волнением и радостью. Отец возвращается домой! В последние несколько недель она незаметно для себя вернулась к прежней жизни. Исчезло возникшее у нее чувство – похоже, вызванное словами Хори, – что она столкнулась с чем-то незнакомым и странным. Она была прежней Ренисенб – Яхмос, Сатипи, Себек и Кайт тоже не изменились, – и теперь, как и раньше, дом погрузился в суету подготовки к возвращению Имхотепа. Пришло известие, что тот будет дома до наступления ночи. Одного из слуг оставили на берегу реки, чтобы он предупредил о приближении хозяина, и вот наконец послышался его громкий радостный голос.

Ренисенб уронила цветы и выбежала на улицу вместе с остальными. Все поспешили к пристани на берегу Реки. Яхмос с Себеком уже были здесь, окруженные небольшой толпой рыбаков и крестьян, – они взволнованно переговаривались и указывали на реку.

Вверх по течению быстро плыла барка с большим квадратным парусом, надуваемым северным ветром. Вслед за нею двигалась барка-кухня, заполненная мужчинами и женщинами. Теперь Ренисенб увидела отца, сидящего с цветком лотоса в руке. Рядом с ним был еще кто-то – наверное, певец, подумала Ренисенб.

Крики на берегу стали громче, Имхотеп приветственно помахал рукой, и матросы стали вытягивать фалы. Послышались крики: «С возвращением, хозяин!», призывы к богам и благодарности за благополучное путешествие, и через несколько мгновений Имхотеп ступил на берег, здороваясь с семьей и отвечая на громкие приветствия, как того требовал этикет.

– Хвала Себеку, сыну Нейт, который хранил тебя от опасностей на воде!..

– Хвала Птаху, который привел тебя к нам, к югу от стен Мемфиса!..

– Хвала Ра, освещающему обе Земли!..

Ренисенб, поддавшись общему волнению, пробралась в первый ряд.

Имхотеп стоял с важным видом, и Ренисенб вдруг подумала: «Оказывается, он совсем небольшого роста. Мне казалось, что отец гораздо выше».

Ее охватило чувство, похожее на страх.

Неужели ее отец усох? Или ее просто подвела память? Она помнила его величественным и властным, хотя временами суетливым, склонным поучать всех подряд. Бывало, Ренисенб посмеивалась над ним, но всегда считала его личностью. Теперь же она видела перед собой маленького и плотного пожилого мужчину, безуспешно пытавшегося выглядеть важным и значительным… Что с нею случилось? Откуда у нее в голове взялись эти непочтительные мысли?

Имхотеп, произнеся пышные церемониальные фразы, приличествовавшие случаю, начал здороваться с домочадцами:

– О, мой дорогой Яхмос, весь лучащийся улыбкой, надеюсь, ты был старателен в мое отсутствие? И Себек, мой красивый сын, вижу, ты по-прежнему наполняешь

радостью мое сердце. А вот Ипи… мой дражайший Ипи, дай мне на тебя посмотреть… отступи-ка назад, вот так. Вырос, стал настоящим мужчиной, как приятно вновь тебя обнять! И Ренисенб… моя дорогая дочь… снова дома. Сатипи, Кайт, не менее дорогие моему сердцу дочери… И Хенет, моя верная Хенет…

Опустившись на колени, Хенет обнимала ноги хозяина и нарочито вытирала слезы радости.

– Я рад видеть тебя, Хенет… Ты здорова, счастлива? Преданна, как всегда, это так приятно сердцу… А вот мой превосходный Хори, такой искусный в расчетах и письме! Всё в порядке? Я не сомневаюсь в этом.

Когда приветствия закончились и гомон утих, Имхотеп поднял руку, призывая к тишине, и заговорил громким и ясным голосом:

– Мои сыновья и дочери! Друзья! У меня есть для вас новость. Как вы все знаете, я долгие годы был в определенном смысле одинок. Моя жена – ваша мать, Яхмос и Себек, – и моя сестра – твоя мать, Ипи, – обе уже давно ушли к Осирису. Поэтому я привез в дом новую сестру для Сатипи и Кайт. Смотрите, это моя наложница Нофрет, которую вы должны полюбить – ради меня. Она приплыла со мною из Мемфиса на Севере и будет жить здесь, когда я снова уеду.

С этими словами Имхотеп вывел вперед женщину. Она стояла рядом с ним, вскинув голову и прищурившись – молодая, надменная и прекрасная.

«Но она так молода… наверное, не старше меня», – с удивлением подумала Ренисенб.

Нофрет замерла неподвижно. На ее губах играла легкая улыбка, выражавшая скорее презрение, чем желание понравиться. У девушки были очень прямые черные брови и бархатистая бронзовая кожа, а длинные и густые ресницы почти скрывали глаза.

Семья растерянно смотрела на нее. Все молчали.

– Ну, дети, подойдите и поздоровайтесь с Нофрет, – сказал Имхотеп; в голосе его сквозило раздражение. – Разве вы не знаете, как следует приветствовать наложницу отца, когда он приводит ее в дом?

Наконец требуемые слова приветствия были произнесены – неуверенно и с явной неохотой.

– Так-то лучше! – радостно воскликнул Имхотеп. Возможно, своей подчеркнутой сердечностью он пытался скрыть неловкость. – Нофрет, Сатипи, Кайт и Ренисенб отведут тебя на женскую половину. Где сундуки? Их уже вынесли на берег?

С барки выгружали дорожные сундуки с закругленными крышками. Имхотеп сказал Нофрет:

– Твои драгоценности и одежды в целости и сохранности. Проследи, чтобы с ними обращались аккуратно.

Когда женщины ушли, он повернулся к сыновьям:

– Как дела в поместье? Все идет хорошо?

– Нижние поля, которые были отданы в аренду Нахту… – начал докладывать Яхмос, но отец остановил его:

– Не нужно подробностей, мой добрый Яхмос. Это подождет. Сегодня день радости. Завтра мы с тобой и Хори займемся делами. Ипи, мой мальчик, пойдем в дом. Как ты вырос за это время – уже выше меня!

Себек нахмурился и последовал за отцом и Ипи. Склонившись к уху Яхмоса, он прошептал:

– Ты слышал: одежда и драгоценности? Вот на что пошел доход от северных поместий. Наш доход.

– Тише, – шикнул на него Яхмос. – Отец услышит.

– И что с того? Я не боюсь его – в отличие от тебя.

Когда все вошли в дом, Хенет отправилась в комнату Имхотепа, чтобы приготовить ванну. Улыбка не сходила с ее лица.

Имхотеп, отбросив нарочитую сердечность, повернулся к ней:

– Ну, Хенет, что скажешь о моем выборе?

Он был настроен решительно, но в то же время прекрасно понимал, что появление Нофрет вызовет бурю – по крайней мере на женской половине дома. Хенет – совсем другое дело. Одинокое, преданное существо. И Хенет его не разочаровала.

– Она прекрасна! Настоящая красавица! Какие волосы, какие руки! Она достойна тебя, Имхотеп, что я могу еще сказать? Твоя дорогая покойная жена будет рада узнать, что ты выбрал спутницу, которая скрасит твои дни.

– Ты так считаешь, Хенет?

– Я в этом не сомневаюсь, Имхотеп. После стольких лет скорби настала пора снова радоваться жизни.

– Ты хорошо ее знала… Я тоже почувствовал, что пришло время жить так, как пристало мужчине. Но женам моих сыновей и моей дочери, наверное, это не понравится?

– Им лучше смириться, – ответила Хенет. – В конце концов, разве не ты хозяин в этом доме?

– Истину говоришь, – согласился Имхотеп.

– Ты щедро кормишь их и одеваешь, их благополучие – плод твоих трудов.

– Совершенно справедливо. – Имхотеп вздохнул: – Я тружусь не покладая рук ради них. Иногда меня одолевают сомнения, понимают ли все они, чем мне обязаны…

– Ты должен им напомнить, – закивала Хенет. – Я, твоя смиренная, преданная Хенет, никогда не забуду, что ты для меня сделал… Но дети бывают неразумны и эгоистичны, слишком высоко себя ставят, не понимая, что лишь выполняют твои указания.

– Истинная правда, – сказал Имхотеп. – Я всегда считал тебя умным человеком, Хенет.

Женщина вздохнула:

– Жаль, что другие так не думают.

– В чем дело? Кто-то тебя обидел?

– Нет-нет… то есть они не хотели… они просто привыкли, что я должна трудиться не покладая рук – и я делаю это с радостью… но доброе слово и благодарность… это было бы так приятно…

– В чем я тебе никогда не отказываю, – заявил Имхотеп. – Помни, что это твой дом.

– Твоя доброта безмерна, господин, – поблагодарила Хенет и, помолчав, прибавила: – Рабы приготовили горячую воду и ждут в купальне… а после того, как ты совершишь омовение и оденешься, тебя зовет к себе мать.

– Моя мать? Да-да… конечно…

Имхотеп немного смутился, но тут же поспешил скрыть свою растерянность:

– Разумеется… я и сам собирался… Передай Исе, что я приду.

II

Иса, облаченная в свое лучшее льняное платье в складку, с удивлением и насмешкой смотрела на сына.

– Добро пожаловать домой, Имхотеп. Ты вернулся к нам – и, как я слышала, не один.

Собравшись с духом, Имхотеп смущенно ответил:

– Значит, тебе уже сказали?

– Естественно. В доме только и разговоров об этом. Говорят, девушка красива и очень молода.

– Ей девятнадцать, и… э-э… она не урод.

Иса рассмеялась – презрительным старушечьим карканьем.

– Ну да, – сказала она, – седина в бороду, бес в ребро.

– Дорогая мать, я решительно не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Ты всегда был глуп, Имхотеп, – невозмутимо ответила Иса.

Мужчина выпрямился и сердито сплюнул. Как правило, он был исполнен сознания собственной значимости, но мать всегда умела пробить броню его высокомерия. В ее присутствии он всегда чувствовал себя маленьким. Насмешливый огонек в ее почти слепых глазах приводил его в замешательство. Иса – следовало это признать – никогда не была высокого мнения о его умственных способностях. И хотя Имхотеп не сомневался в верности своей самооценки и в том, что на причуды матери не стоит обращать внимания, ее отношение неизменно наносило удар по его самомнению.

– Разве это так необычно, когда мужчина приводит в дом наложницу?

– Нет, конечно. Большинство мужчин глупы.

– Я не понимаю, в чем тут глупость.

– Неужели до тебя не доходит, что присутствие этой девушки нарушит согласие в доме? Сати и Кайт будут вне себя и начнут подзуживать мужей.

– Им-то какое дело? Разве у них есть право возражать мне?

– Нет.

Имхотеп принялся раздраженно расхаживать по комнате.

– Почему в собственном доме я не могу делать то, что хочу? Разве я не содержу сыновей и их жен? Разве не мой хлеб они едят? Разве я не устаю напоминать им об этом?

– Да, напоминать ты очень любишь, Имхотеп…

– Но это правда! Они зависят от меня. Все!

– И ты уверен, что это правильно?

– Ты хочешь сказать, что мужчина не должен содержать свою семью?

Иса вздохнула:

– Не забывай, они работают на тебя.

– А ты хочешь, чтобы я поощрял их праздность? Естественно, работают.

– Они взрослые мужчины – по крайней мере, Яхмос и Себек, – и не просто взрослые.

– Себек неразумен. Он все делает неправильно. И еще часто дерзит, и я этого не потерплю. Яхмос – хороший, послушный мальчик…

– Он давно не мальчик!

– Но иногда мне приходится повторять ему два или три раза, пока до него дойдет. Мне приходится думать обо всем – и следить за всем! Каждый раз, когда уезжаю, я диктую писцам подробные инструкции для своих сыновей… Я почти не знаю отдыха – и сна тоже! И теперь, когда я приезжаю домой, заслужив немного покоя, меня встречают новые трудности! Даже ты, моя мать, отказываешь мне в праве иметь наложницу, подобно другим мужчинам… Ты гневаешься…

– Я не гневаюсь, – прервала его Иса. – Я удивлена. Будет интересно наблюдать за происходящим в доме. Но запомни – когда ты снова отправишься на Север, лучше бы тебе взять девушку с собой.

– Ее место здесь, в моем доме! И горе тому, кто посмеет дурно с нею обходиться.

– Дело не в дурном обхождении. Но не забывай, как легко вспыхивает сухая стерня. Как гласит пословица, «где женщины, там беда»…

Помолчав немного, Иса медленно проговорила:

– Нофрет красива. Но помни: «Женских тел фаянс прохладный ослепляет, обольщает, чтобы тотчас превратиться в пламенеющий сардоникс…»

Потом звучным голосом процитировала продолжение стиха:

– «Обладанье ими – краткий сон. Постиженье их – подобно смерти!»[5 - Пер. А. Ахматовой.]

Глава 4

Третий месяц разлива, 15-й день

I

Имхотеп в грозном молчании слушал объяснения Себека по поводу продажи леса. Его лицо побагровело, на виске пульсировала жилка.

Себек утратил свою обычную беззаботность. Он пытался держаться уверенно, но, столкнувшись с явным недовольством отца, стал сбиваться и запинаться.

Наконец Имхотеп раздраженно прервал сына:

– Да, да, да, ты думаешь, что знаешь больше меня… ты не выполнил мои указания… всё как всегда… в мое отсутствие, когда я не могу за всем проследить… – Он вздохнул: – Даже не представляю, что с вами станет, когда меня не будет!

– У меня был шанс получить гораздо большую прибыль – и я рискнул, – упорствовал Себек. – Нельзя же все время проявлять рассудительность и осторожность!

– В тебе нет ни грана осторожности, Себек! Ты тороплив и безрассуден, и твои суждения всегда оказываются ошибочными.

– А у меня была хоть одна возможность это проверить?

– В этот раз была, – сухо ответил Имхотеп. – Причем вопреки моим указаниям…

– Указаниям? Неужели мне обязательно нужны указания? Я взрослый мужчина.

Тут Имхотеп уже не смог сдержать себя и закричал:

– А кто тебя кормит и одевает? Кто заботится о твоем будущем? Кто постоянно думает о твоем благополучии и благополучии всех? Когда вода в Реке была низкой и всем угрожал голод, разве я не отправлял еду вам на Юг? Тебе повезло, что у тебя такой отец, который заботится обо всем! И что я прошу взамен? Только чтобы ты усердно трудился, старался и выполнял указания, которые я тебе присылаю!..

– Да! – крикнул в ответ Себек. – Мы должны работать на тебя, как рабы, – чтобы ты мог покупать золото и драгоценные камни своей наложнице!

Имхотеп шагнул к нему, задыхаясь от ярости:

– Дерзкий мальчишка, как смеешь ты так разговаривать с отцом?! Берегись, или я откажу тебе от дома – и можешь отправляться на все четыре стороны!

– Нет, это ты берегись, потому что я сам уйду! Говорю тебе, у меня есть мысли – хорошие мысли, – которые принесли бы богатство, не будь я связан мелочной осторожностью и невозможностью поступать по своему разумению.

– Ты закончил? – В тоне Имхотепа сквозила угроза.

Себек, немного остывший, сердито пробурчал:

– Да… да… Я все сказал – пока.

– Тогда иди и присмотри за скотом. Теперь не время для безделья.

Себек резко повернулся и пошел прочь. Стоявшая неподалеку Нофрет искоса взглянула на него, когда он проходил мимо, и рассмеялась. Кровь бросилась Себеку в лицо, и он шагнул было к ней. Девушка даже не пошевелилась, презрительно глядя на него из-под полуприкрытых век.

Себек пробормотал что-то себе под нос и продолжил путь. Нофрет снова засмеялась и медленно приблизилась к Имхотепу, который теперь обращался к Яхмосу:

– Что на тебя нашло? Почему ты позволил Себеку делать глупости? – раздраженно спросил он. – Ты был обязан ему помешать! Разве ты не знаешь, что он ничего не понимает в купле-продаже? Себек думает, что все должно быть так, как он хочет.

– Ты не понимаешь, как мне трудно, отец, – виноватым тоном оправдывался Яхмос. – Ты же сам сказал, чтобы я поручил Себеку продажу леса. Поэтому нужно было дать ему возможность действовать по своему разумению.

– По своему разумению? Нет у него такого права. Он должен следовать моим указаниям – а ты обязан следить, чтобы он в точности исполнял их.

Яхмос вспыхнул:

– Я? А разве у меня есть власть?

– Какая власть? Власть даю тебе я.

– Но у меня нет официального статуса. Будь я твоим законным совладельцем…

Увидев приближающуюся Нофрет, он умолк. Позевывая, девушка теребила алый цветок мака.

– Не хочешь пойти в маленькую беседку у пруда, Имхотеп? Там прохладно, и там тебя ждут фрукты и пиво из Кеде. Ведь ты уже закончил давать указания…

– Подожди немного, Нофрет, минутку.

– Нет, сейчас, – ласковым голосом возразила женщина. – Я хочу, чтобы ты пошел сейчас…

Имхотеп выглядел довольным и немного смущенным.

– Давай сначала закончим, – поспешно сказал Яхмос, опережая отца. – Это важно. Я хотел попросить тебя…

– Разве в собственном доме ты не можешь делать то, что тебе хочется? – Нофрет обращалась к Имхотепу, повернувшись к Яхмосу боком.

– В другой раз, сын мой, – решительно заявил Имхотеп. – В другой раз.

Он удалился вместе с Нофрет, а Яхмос остался на галерее, глядя им вслед.

Из дома вышла Сатипи и встала рядом.

– Ну? – взволнованно спросила она. – Ты с ним поговорил? Что он сказал?

Яхмос вздохнул:

– Не будь такой нетерпеливой, Сатипи. Момент был… неподходящим.

– Ну да! – сердито воскликнула Сатипи. – Другого я и не ждала! Ты всегда так говоришь. Но правда в том, что ты боишься отца… ты робок, как овечка… только блеешь, но не в состоянии говорить, как мужчина! Помнишь, что ты мне обещал? Из нас двоих я больше похожа на мужчину! Ты обещал мне, клялся: «Я попрошу отца сразу, в первый же день». А на самом деле…

Сатипи умолкла – не потому, что закончила, а чтобы перевести дух, – и Яхмос воспользовался паузой и мягко возразил:

– Ты ошибаешься, Сатипи. Я начал разговор – но нас прервали.

– Прервали? Кто?

– Нофрет.

– Нофрет! Эта женщина… Неужели твой отец позволяет наложнице прерывать разговор о делах со старшим сыном? Женщины не должны вмешиваться в дела мужчин.

Возможно, Яхмос был бы не против, чтобы Сатипи сама следовала правилу, которое так красноречиво провозглашала, но раскрыть рот ему не дали. Жена продолжала:

– Твой отец должен немедленно поставить ее на место.

– Мой отец, – сухо ответил Яхмос, – не выказывал признаков неудовольствия.

– Это неприлично, – заявила Сатипи. – Имхотеп пляшет под ее дудку. Позволяет Нофрет говорить и делать все, что ей взбредет в голову.

– Она очень красива… – задумчиво произнес Яхмос.

Сатипи фыркнула:

– Да, внешность у нее недурна. Но манеры! Воспитание! Она грубит нам без зазрения совести.

– Может, это вы ей грубите?

– Я – просто образец вежливости. Мы с Кайт обращаемся с ней с величайшим почтением. Во всяком случае, ей не на что жаловаться твоему отцу. У нас есть терпение, у меня и Кайт, и мы ждем своего часа.

Яхмос пристально посмотрел на жену:

– Что ты имеешь в виду – своего часа?

– Это чисто женское, ты не поймешь. У нас свои методы – и свое оружие! Нофрет лучше бы поумерить гордыню. Где в конечном счете оказывается любая женщина? На женской половине дома – среди других женщин, – многозначительно произнесла Сатипи. – Твой отец не всегда будет тут… Он снова уедет в свои поместья на Севере. И тогда… увидим.

– Сатипи…

Она рассмеялась, громко и звонко, и вернулась в дом.

II

У пруда бегали и играли дети. Два сына Яхмоса – милые и красивые мальчики, больше похожие на Сатипи, чем на отца, – трое детишек Себека, младшая из которых едва научилась ходить, и Тети, серьезная четырехлетняя дочь Ренисенб. Они смеялись, кричали, бросали друг другу мячи, а иногда громко ссорились и визжали, сердясь друг на друга.

Имхотеп сидел рядом с Нофрет и потягивал пиво.

– Дети очень любят играть у воды, – пробормотал он. – Так было всегда, насколько я помню. Но, клянусь Хатор, сколько от них шума!

– Да, а могло бы быть так тихо… – тотчас же откликнулась Нофрет. – Почему ты не прикажешь им уйти, пока ты здесь? В конце концов, когда хозяин дома желает отдохнуть, ему следует оказывать должное уважение. Ты согласен?

– Я… ну… – Имхотеп колебался. Мысль была новой, но приятной. – На самом деле они мне особенно не мешают, – с сомнением закончил он, а затем так же неуверенно прибавил: – Они привыкли играть здесь, когда захотят.

– Конечно, но только когда тебя нет, – поспешила согласиться Нофрет. – Но мне кажется, с учетом того, что ты делаешь для семьи, они должны проявлять к тебе больше почтительности… и уважения. Ты слишком мягок – слишком снисходителен.

Имхотеп умиротворенно вздохнул:

– Знаю, это мой недостаток. Никогда не настаивал на формальностях.

– И в результате эти женщины, жены твоих сыновей, пользуются твоей добротой. Они должны понимать, что, когда ты возвращаешься сюда, желая отдохнуть, тебе требуются тишина и покой… Послушай, я пойду и скажу Кайт, чтобы она забрала своих детей – и остальных тоже. Тогда ты насладишься покоем.

– Ты заботливая девочка, Нофрет, да, хорошая девочка. Всегда думаешь о том, чтобы мне было хорошо.

– Если тебе хорошо, то и мне тоже, – промурлыкала Нофрет.

Она встала и пошла к Кайт, которая стояла на коленях у воды и помогала отправить в плавание маленькую модель барки своему второму ребенку, мальчику с довольно капризным лицом.

– Уведи детей, Кайт, – приказала Нофрет.

Та подняла на нее удивленный взгляд:

– Увести? Что ты имеешь в виду? Они тут всегда играют.

– Не сегодня. Имхотепу нужен покой. Твои дети слишком шумные.

Грубое лицо Кайт залилось краской.

– Выбирай выражения, Нофрет! Имхотепу нравится смотреть, как играют дети его сыновей. Он сам это говорил.

– Не сегодня, – повторила Нофрет. – Он послал меня сказать, чтобы ты увела весь этот шумный выводок в дом, чтобы он мог посидеть в тишине – со мною.

– С тобою… – Кайт умолкла на полуслове. Затем встала и пошла к беседке, где полулежал Имхотеп. Нофрет последовала за ней.

Кайт сразу взяла быка за рога:

– Твоя наложница говорит, чтобы я увела детей. Почему? Что они делают плохого? Почему их нужно прогнать?

– Я думала, что желания хозяина дома достаточно, – тихо сказала Нофрет.

– Конечно, конечно, – с раздражением ответил Имхотеп. – Почему я должен объяснять причины? Чей это дом?

– Мне кажется, это она хочет, чтобы дети ушли. – Кайт повернулась к Нофрет и окинула ее презрительным взглядом.

– Нофрет заботится о моем удобстве… о моем удовольствии, – сказал Имхотеп. – В этом доме это больше никого не интересует… за исключением разве что бедняжки Хенет.

– Значит, детям тут больше нельзя играть?

– Нельзя, когда я прихожу сюда для отдыха.

Гнев Кайт неожиданно прорвался наружу.

– Почему ты позволяешь этой женщине настраивать тебя против семьи? Почему она приходит сюда и вмешивается в домашние дела? В давно заведенный порядок?

Имхотеп вдруг перешел на крик. Он почему-то чувствовал потребность оправдаться.

– Я решаю, какой порядок должен быть в доме – а не ты! Все вы хотите поступать так, как вам хочется, устраивать все так, как вам удобно… А когда я, хозяин, приезжаю домой, моим желаниям не уделяют должного внимания. Но позволь напомнить тебе – здесь я хозяин! Я постоянно забочусь о вашем благополучии, работаю не покладая рук, и что получаю в ответ – благодарность, уважение к моим желаниям? Нет. Сначала Себек дерзит и ведет себя непочтительно, а теперь ты, Кайт, пытаешься меня запугать! Зачем я всех вас содержу? Берегись, или я перестану о вас заботиться. Себек говорил о том, что хочет уйти, – пусть уходит и забирает с собой тебя и твоих детей.

Кайт на мгновение застыла. Ее грубое, неподвижное лицо оставалось бесстрастным.

– Я уведу детей в дом. – Ее голос был лишен каких-либо эмоций.

Сделав пару шагов, она остановилась рядом с Нофрет и тихо сказала:

– Это твоих рук дело, Нофрет. Я этого не забуду. Нет, не забуду…

Глава 5

Четвертый месяц разлива, 5-й день

I

Имхотеп удовлетворенно вздохнул, завершив свои церемониальные обязанности жреца Ка. Ритуал соблюдался до мельчайших деталей – Имхотеп во всех отношениях был чрезвычайно добросовестным человеком. Он наполнил священные сосуды, воскурил благовония, совершил полагающиеся приношения еды и питья.

Теперь, в прохладной тени соседнего грота, где его ждал Хори, Имхотеп снова превратился в землевладельца и делового человека. Вдвоем они обсуждали хозяйство, цены на рынке и прибыль, полученную от продажи зерна, скота и леса.

Примерно через полчаса Имхотеп с довольным видом кивнул.

– У тебя настоящий талант к коммерции, Хори.

– Иначе и быть не могло, – улыбнулся помощник. – Я уже много лет веду твои дела.

– И всегда был предан мне… Послушай, я хочу с тобой кое-что обсудить. Это касается Ипи. Он жалуется, что все им командуют.

– Он еще очень молод.

– Но у него большие способности. Ипи считает, что братья не всегда к нему справедливы. Себек, похоже, груб и придирчив, а неизменная осторожность и робость Яхмоса его раздражают. Ипи горяч по натуре; он не любит, когда ему указывают. Более того, он утверждает, что указывать ему имею право только я, его отец.

– Совершенно верно, – согласился Хори. – И мне кажется, Имхотеп, что у твоего хозяйства есть один недостаток. Могу я быть откровенным?

– Конечно, мой добрый Хори. Твои слова всегда взвешенные и разумные.

– Тогда я вот что скажу. Когда ты уезжаешь, Имхотеп, здесь должен оставаться человек, обладающий реальной властью.

– Я поручаю все дела тебе и Яхмосу.

– Конечно, мы заменяем тебя в твое отсутствие… но этого недостаточно. Почему бы тебе не сделать одного из своих сыновей совладельцем – заключить с ним официальный договор?

Имхотеп, нахмурившись, мерил шагами небольшой грот.

– Кого из сыновей ты предлагаешь? Себек умеет командовать, но непослушен – я не могу ему доверять. У него дурной нрав.

– Я думал о Яхмосе. Он твой старший сын. Он добр и мягок. И предан тебе.

– Да, у него хороший характер – но он слишком робок, слишком покладист. Уступает всем. Будь Ипи чуть старше…

– Опасно давать власть человеку, который слишком молод, – поспешил возразить Хори.

– Верно, верно. Да, Хори, я обдумаю твои слова. Вне всякого сомнения, Яхмос – хороший сын… послушный сын.

– Я верю, что ты проявишь мудрость, – мягко, но настойчиво сказал Хори.

Имхотеп удивленно посмотрел на него:

– Что ты имеешь в виду, Хори?

– Я только что сказал, – медленно проговорил помощник, – что опасно давать власть человеку, который слишком молод. Но не менее опасно давать человеку власть слишком поздно.

– Ты хочешь сказать, что он привык выполнять приказы, а не отдавать их? Да, наверное, в этом есть доля истины.

Имхотеп вздохнул:

– Управлять семьей – нелегкое дело. Особенно тяжело сладить с женщинами. У Сатипи неукротимый нрав, Кайт бывает мрачной. Но я дал им ясно понять, что с Нофрет следует обращаться должным образом. Думаю, можно сказать…

Он умолк. По узкой тропинке быстро поднимался раб; он тяжело дышал.

– В чем дело?

– Хозяин… пришла барка. Прибыл писец по имени Камени с посланием из Мемфиса.

Имхотеп поспешно встал.

– Опять неприятности! – воскликнул он. – Можно не сомневаться – как и в том, что Ра плывет по небесам. Стоит мне отлучиться, как все начинает идти не так…

Тяжело ступая, он стал спускаться по тропе. Хори не шелохнулся, глядя ему вслед.

Лицо его было встревоженным.

II

Ренисенб, бесцельно бродившая по берегу Нила, вдруг услышала голоса, шум и увидела людей, бегущих к причалу.

Она присоединилась к ним. В приближавшейся к берегу лодке стоял молодой человек, и, когда Ренисенб увидела его силуэт на фоне яркого неба, ее сердце замерло в груди.

Безумная, нелепая мысль пришла к ней в голову.

«Это Хей, – подумала она. – Хей вернулся из Царства мертвых».

Но потом сама посмеялась над своими глупыми мыслями. Ренисенб всегда вспоминала мужа в те моменты, когда он плавал по Нилу, а молодой человек сложением напоминал Хея – вот откуда взялись ее фантазии. Этот мужчина был моложе Хея; двигался он легко и изящно, а лицо у него было смеющееся, веселое.

По его словам, мужчина прибыл из поместий Имхотепа на Севере. Он писец, и зовут его Камени.

К отцу послали раба, а Камени провели в дом, где предложили еду и напитки. Вскоре пришел отец, и начались переговоры.

Суть происходящего на женскую половину, как всегда, доносила Хенет – главный поставщик новостей. Иногда Ренисенб удивлялась, как ей удается быть в курсе всего.

Выяснилось, что Камени был сыном одного из двоюродных братьев Имхотепа и служил у него писцом. Молодой человек обнаружил обман – фальшивые счета, и поскольку дело было сложным и в нем оказались замешаны управляющие поместьями, то он решил, что лучше отправиться на Юг и лично доложить все хозяину.

Ренисенб все это было не очень интересно. Конечно, подумала она, Камени молодец, что все это обнаружил. Отец должен быть доволен им.

Как бы то ни было, Имхотеп стал спешно готовиться к отъезду. Он собирался пробыть дома два месяца, но теперь решил, что чем раньше начнет разбирательство на месте, тем лучше.

Имхотеп собрал всех домочадцев, чтобы дать бесчисленное количество указаний и советов. Следует сделать то и это. Яхмосу запрещено то-то и то-то. Себек должен проявлять осмотрительность. Все это так знакомо, подумала Ренисенб. Яхмос слушал внимательно, Себек был мрачен, Хори, как обычно, спокоен и

деловит. Требования и надоедливые просьбы Ипи отвергались резче, чем прежде.

– Ты слишком молод, чтобы получить самостоятельность. Слушайся Яхмоса. Он знает мои желания и требования. – Имхотеп положил ладонь на плечо старшего сына. – Я доверяю тебе, Яхмос. Когда я приеду, мы вернемся к разговору о том, чтобы ты стал совладельцем.

Старший сын вспыхнул от удовольствия и выпрямился.

– Смотри, чтобы все было в порядке, пока меня нет, – продолжал Имхотеп. – Позаботься, чтобы с моей наложницей хорошо обращались – с должным почтением и уважением. Ты за нее отвечаешь. Ты обязан следить за поведением женщин в этом доме. Следи, чтобы Сатипи не распускала язык. Себеку следует дать должные наставления Кайт. Ренисенб также должна быть вежлива с Нофрет. И я не потерплю дурного обращения с Хенет. Мне известно, что женщины считают ее назойливой. Она долго живет в этом доме и считает, что имеет право говорить многие неприятные вещи. Я знаю, что она не может похвастаться ни красотой, ни умом, но она предана мне и, запомните это, всегда стояла на страже моих интересов. Я не допущу, чтобы ее презирали и обижали.

– Все будет так, как ты сказал, – заверил отца Яхмос. – Но Хенет иногда злословит…

– Ха! Глупости! Все женщины злословят. Хенет – не больше, чем другие. А что касается Камени, то он останется здесь. Мы обойдемся без одного писца, а он будет помогать Хори. По поводу той земли, которую мы отдали в аренду женщине по имени Яаи…

И жрец углубился в мелкие подробности.

Когда наконец все было готово к отъезду, Имхотеп вдруг забеспокоился. Он отвел Нофрет в сторону и неуверенно спросил:

– Нофрет, ты согласна остаться здесь? Может, тебе лучше поехать со мной?

Женщина с улыбкой покачала головой.

– Ты же ненадолго, – ответила она.

– Три месяца… может, четыре. Кто знает?

– Вот видишь – это недолго. Здесь мне будет хорошо.

– Я поручил Яхмосу – всем моим сыновьям – проследить, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Им не поздоровится, если ты на что-то пожалуешься!

– Они будут делать все, что ты сказал, я в этом не сомневаюсь, Имхотеп. – Нофрет помолчала. – Кому я здесь могу полностью доверять? Кто действительно тебе предан? Я имею в виду, не членов семьи.

– Хори… мой добрый Хори. Он моя правая рука, во всем – и, кроме того, человек разумный и рассудительный.

– Они с Яхмосом как братья, – медленно проговорила Нофрет. – Может…

– Еще Камени. Он тоже писец. Я приставлю его к тебе. Если у тебя будут какие-нибудь жалобы, он запишет твои слова и отправит ко мне.

Нофрет кивнула:

– Это хорошая мысль. Камени – уроженец Севера. Он знает моего отца. И не подвержен влиянию семьи.

– И Хенет! – воскликнул Имхотеп. – Еще есть Хенет!

– Да-а, – задумчиво протянула Нофрет. – Еще есть Хенет. А ты можешь поговорить с нею прямо сейчас – в моем присутствии?

– Отличная мысль.

За Хенет послали, и она тотчас явилась на зов. Имхотепу пришлось довольно грубо прервать ее причитания по поводу отъезда хозяина:

– Да-да, моя добрая Хенет, но тут ничего не поделаешь. Я принадлежу к тем людям, которые редко наслаждаются продолжительным отдыхом. Я должен беспрестанно трудиться на благо семьи, несмотря на то что они не всегда это ценят. Но теперь мне нужно серьезно поговорить с тобою. Я знаю, что ты любишь меня и преданно мне служишь. И поэтому я могу тебе доверять. Береги Нофрет – она мне очень дорога.

– Тот, кто дорог тебе, господин, дорог и мне! – с жаром заявила Хенет.

– Очень хорошо. Значит, ты будешь защищать интересы Нофрет?

Хенет повернулась к девушке, которая смотрела на нее из-под полуприкрытых век.

– Ты слишком красива, Нофрет, – сказала она. – В этом вся беда. Поэтому остальные ревнуют… Но я за тобой присмотрю – буду предупреждать тебя обо всем, что они говорят и делают. Можешь на меня рассчитывать!

Какое-то время женщины молча смотрели друг другу в глаза.

– Можешь на меня рассчитывать, – повторила Хенет.

Губы Нофрет растянулись в улыбке – это была довольно странная улыбка.

– Да, – сказала она. – Я тебя поняла, Хенет. Думаю, на тебя можно рассчитывать.

Имхотеп шумно прочистил горло.

– Ну вот, похоже, все устроилось… да… все в порядке. Улаживать дела – это у меня всегда хорошо получалось.

Услышав каркающий смех, Имхотеп резко обернулся и увидел стоящую на пороге комнаты мать. Она тяжело опиралась на палку и выглядела еще более сморщенной и язвительной, чем обычно.

– Какой у меня замечательный сын! – фыркнула она.

– Мне нужно спешить… осталось дать кое-какие указания Хори… – пробормотал Имхотеп и с озабоченным видом поспешно вышел, старательно избегая встречаться взглядом с матерью.

Иса повелительно кивнула Хенет, и та послушно выскользнула из комнаты.

Нофрет встала. Они с Исой смотрели друг на друга.

– Значит, мой сын оставляет тебя здесь? Тебе лучше поехать с ним, Нофрет.

– Он желает, чтобы я осталась.

Голос Нофрет был тихим и кротким. Иса презрительно усмехнулась:

– Его желание ничего не значило бы, захоти ты уехать! А почему ты не хочешь? Я тебя не понимаю. Что тебе здесь нужно? Ты привыкла жить в городах… наверное, путешествовала… Почему ты выбрала однообразную жизнь здесь… среди тех – я буду откровенна, – кто тебя не любит, даже ненавидит?

– Значит, ты меня ненавидишь?

– Нет, у меня нет к тебе ненависти. – Иса покачала головой. – Я стара и плохо вижу, но я еще способна различать красоту и радоваться ей. Ты красива, Нофрет, и твой вид приятен моим старым глазам. И из-за твоей красоты я желаю тебе добра. Я предостерегаю тебя. Отправляйся на Север вместе с моим сыном.

– Он желает, чтобы я осталась, – повторила Нофрет.

В покорном тоне девушки явно проступала насмешка.

– Ты преследуешь какую-то цель, оставаясь здесь, – недовольно сказала Иса. – Интересно какую? Очень хорошо – тогда пеняй на себя. Но будь осторожна. Действуй обдуманно. И никому не верь.

Она резко повернулась и вышла. Нофрет не двигалась. Ее губы медленно растянулись, и широкая улыбка сделала ее похожей на кошку.

Часть II

Зима

Глава 6

Первый месяц зимы, 4-й день

I

У Ренисенб вошло в привычку почти каждый день подниматься к гробнице. Иногда она заставала там Яхмоса и Хори, иногда – одного Хори, а иногда – никого, но каждый раз Ренисенб испытывала странное чувство умиротворения и покоя, словно она избежала какой-то опасности. Больше всего ей нравилось, когда Хори был один. Его серьезность, а также то, что он воспринимал ее приход как само собой разумеющееся, не задавая никаких вопросов, – все это доставляло ей странное удовольствие. Она сидела в тени у входа в грот, приподняв одно колено и обхватив его руками, и смотрела поверх зеленой ленты полей на сверкающие воды Нила, вблизи бледно-голубые, а дальше расцвеченные самыми разными оттенками, переходящими друг в друга, – желтовато-коричневыми, кремовыми и розовыми.

Впервые Ренисенб пришла сюда несколько месяцев назад, побуждаемая внезапным желанием укрыться от вездесущих женщин. Она жаждала покоя и дружбы – и нашла их здесь. Стремление убежать никуда не делось, но теперь его причиной было не горе и не желание укрыться от домашней суеты. Это было нечто более определенное – пугающее.

В один из дней она призналась Хори:

– Я боюсь…

– Чего ты боишься, Ренисенб? – Он серьезно посмотрел на нее.

Женщина на минуту задумалась. Потом с расстановкой произнесла:

– Помнишь, ты как-то говорил мне о двух разновидностях зла: одно приходит снаружи, а другое – изнутри?

– Да, помню.

– Потом ты объяснил, что имел в виду болезни, которые поражают фрукты и зерно, но я думала об этом… ведь то же самое происходит с людьми.

Хори медленно кивнул:

– Значит, ты увидела… Да, ты права, Ренисенб.

– Это происходит сейчас – прямо здесь, в доме, – с жаром сказала Ренисенб. – Зло пришло… снаружи! И я знаю, кто его принес. Нофрет.

– Ты так думаешь? – спокойно уточнил Хори.

Ренисенб энергично кивнула:

– Да-да, я знаю, о чем говорю! Послушай, Хори, когда я пришла к тебе сюда и сказала, что в доме ничего не изменилось, даже ссоры Сатипи и Кайт, это была правда. Но эти ссоры, Хори, были не настоящими. Я хочу сказать, что Сатипи и Кайт получали от них удовольствие… так быстрее проходило время… и они обе по-настоящему не злились друг на друга! Но теперь все иначе. Теперь они не только говорят друг другу грубые и неприятные слова – они говорят эти слова с намерением причинить боль и радуются, когда им это удается. Это ужасно, Хори, ужасно! Вчера Сатипи так разозлилась, что воткнула длинную золотую булавку в руку Кайт… А два или три дня назад Кайт уронила тяжелую медную кастрюлю с кипящим жиром на ногу Сатипи. И так во всем… Сатипи бранит Яхмоса до поздней ночи – нам хорошо слышно. Яхмос выглядит больным, усталым и запуганным. А Себек уходит в деревню к женщинам; домой он

возвращается пьяным, кричит и хвастается своим умом!

– Да, кое о чем мне известно, – медленно произнес Хори. – Но почему ты винишь Нофрет?

– Потому что это ее рук дело! Все всегда начинается с ее слов… на первый взгляд незначительных… но хитрых. Нофрет вроде заостренной палки, которой подгоняют волов. Она умна и знает, что нужно говорить. Иногда мне кажется, что это Хенет подсказывает ей…

– Да, – задумчиво произнес Хори. – Вполне возможно.

Ренисенб передернула плечами:

– Я не люблю Хенет. Ненавижу ее манеру подкрадываться. Она так предана всем нам, но никому ее преданность не нужна. Не понимаю, как могла моя мать привести ее сюда и так сильно ее любить?

– О чем мы знаем только со слов самой Хенет, – сухо заметил Хори.

– Почему Хенет так привечает Нофрет, ходит за ней по пятам, нашептывает, заискивает? О, Хори, я правда боюсь! Я ненавижу Нофрет! Я хочу, чтобы она уехала. Она красивая, жестокая и плохая!

– Какой же ты еще ребенок, Ренисенб, – улыбнулся Хори и шепотом прибавил: – Сюда идет Нофрет.

Ренисенб оглянулась. Вместе с Хори они смотрели, как Нофрет медленно поднимается по тропинке на крутом склоне скалы. Она улыбалась и что-то негромко напевала.

Добравшись до того места, где они сидели, Нофрет огляделась и улыбнулась, не в силах скрыть своего любопытства:

– Вот, значит, где ты каждый день прячешься, Ренисенб…

Ренисенб не ответила. Она сердилась, словно ребенок, чье убежище обнаружили взрослые.

Нофрет снова огляделась.

– Так это и есть знаменитая гробница?

– Совершенно верно, Нофрет, – ответил Хори.

Она посмотрела на него, и ее губы растянулись в хищную улыбку:

– Не сомневаюсь, что ты извлекаешь из нее выгоду, Хори. Мне говорили, ты искусен в делах.

В ее тоне проступала неприязнь, но Хори никак не отреагировал, продолжая улыбаться своей спокойной, серьезной улыбкой.

– Она выгодна всем нам. Смерть всегда приносит выгоду…

Вздрогнув, Нофрет окинула взглядом столы для приношений, вход в усыпальницу и фальшивую дверь.

– Ненавижу смерть! – с отвращением воскликнула она.

– Напрасно, – тихо возразил Хори. – У нас, в Египте, смерть – главный источник богатства. Смерть оплатила драгоценные камни, которыми ты себя украшаешь, Нофрет. Смерть кормит и одевает тебя.

Она удивленно смотрела на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что Имхотеп – жрец Ка, хранитель гробницы, и все его земли, весь скот, весь лес, весь лен, весь ячмень – это наследство гробницы.

Он умолк, потом продолжил задумчивым тоном:

– Мы, египтяне, странные люди. Мы любим жизнь, но начинаем очень рано готовиться к смерти. Вот на что тратится богатство Египта – на пирамиды, гробницы, наследство гробниц…

– Перестань говорить о смерти, Хори! – крикнула Нофрет. – Мне это не нравится!

– Потому что ты настоящая египтянка… потому что ты любишь жизнь, потому что… иногда… ты чувствуешь рядом с собой дыхание смерти…

– Замолчи!

Нофрет шагнула к нему, но затем пожала плечами, отвернулась и стала спускаться по тропинке.

Ренисенб удовлетворенно выдохнула.

– Хорошо, что Нофрет ушла, – с детской радостью сказала она. – Ты ее напугал, Хори.

– Да… И тебя тоже, Ренисенб?

– Н-нет. – Голос молодой женщины звучал не совсем уверенно. – Все так, как ты сказал, только я никогда об этом не задумывалась. Мой отец и вправду жрец Ка.

– Весь Египет одержим смертью, – с неожиданной горечью воскликнул Хори. – И знаешь почему, Ренисенб? Потому что наше тело имеет глаза, а разум – нет. Мы не можем вообразить себе другой жизни – жизни после смерти. Мы представляем ее как продолжение того, что нам уже знакомо. В нас нет истинной веры в богов.

Ренисенб изумленно смотрела на него:

– Как ты можешь такое говорить, Хори? У нас очень много богов – так много, что я даже не могу вспомнить всех. Например, вчера вечером мы рассуждали о том, каких богов предпочитаем. Себеку нравится Сохмет, а Кайт обязательно молится Месхенет. Камени всегда клянется именем Тота, потому что он писец. Сатипи

предпочитает Гора, бога с головой сокола, и нашу местную богиню Меритсегер. Яхмос говорит, что нужно молиться Птаху, потому что он создал все на свете. Мне самой больше нравится Исида. А Хенет молится нашему местному богу Амону. Она говорит, среди жрецов распространяются пророчества, что однажды Амон станет главным богом всего Египта, поэтому она приносит ему подношения даже теперь, когда он еще младший бог. И еще у нас есть Ра, бог Солнца, и Осирис, перед которым взвешивают сердца мертвых.

Ренисенб умолкла, чтобы перевести дух. Хори ласково улыбался ей:

– А в чем разница между богом и человеком, Ренисенб?

Она с удивлением посмотрела на него:

– Боги… они умеют творить чудеса!

– И всё?

– Я не понимаю, о чем ты, Хори…

– Я имею в виду, что для тебя бог – это всего лишь мужчина или женщина, которые умеют делать то, на что не способны обычные мужчины и женщины.

– Ты говоришь такие странные вещи! Я тебя не понимаю…

Ренисенб озадаченно посмотрела на него, потом перевела взгляд на долину, и ее внимание привлекла необычная сцена.

– Смотри! – воскликнула она. – Нофрет разговаривает с Себеком. Она смеется… Ой! – Ренисенб задохнулась. – Нет, ничего. Мне показалось, он собирается ее ударить. Она возвращается в дом, а Себек поднимается сюда.

Появился Себек, мрачнее тучи.

– Чтоб ее крокодил сожрал, эту женщину! – воскликнул он. – Мой отец совершил ужасную глупость, когда взял ее в наложницы!

– Что она тебе сказала? – полюбопытствовал Хори.

– Оскорбляла меня – как всегда! Спросила, доверил ли мне отец еще раз продать лес… У нее язык как жало змеи. Я бы ее убил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В древнеегипетской религии важное место занимали мифы о загробной жизни. Согласно верованиям египтян, человек состоит из нескольких сущностей, в частности тела, души и невидимого двойника «ка», который рождается и живет вместе с человеком. Чтобы обеспечить вечную жизнь после смерти, следовало сохранить все сущности человека. Тело сохранялось с помощью мумифицирования; пристанищем для «ка» должны были служить усыпальницы (от огромных пирамид у фараонов и знати до скромных гробниц у земледельцев и слуг), в которые помещалось все, что было нужно человеку при жизни. Судьба души человека решалась на суде богов: ее либо пожирало за грехи чудовище, либо она отправлялась в страну блаженства.

2

Северные Номы – княжества, расположенные в дельте Нила (Нижний Египет), в отличие от Южных Номов, расположенных в верхнем течении Нила (Верхний

Египет).

3

Мера – старинная единица измерения сыпучих тел, равная 26,238 л.

4

Гераклеополь – греческое название древней столицы XX нома Египта.

5

Пер. А. Ахматовой.

Купить: https://tellnovel.com/agata-kristi/smert-prihodit-v-konce-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити